ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРОВИНЦИИ
историко-просветительский журнал № 77

А.И. ПЕРЕЛЫГИН

ОРЛОВСКИЕ СВЯТИТЕЛИ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Молодежное братство
во имя Великомученика и Победоносца Георгия

г. Орел, 2015 г.

Автор данной работы, **Анатолий Иванович Перелыгин,** кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и музейного дела Орловского государственного института искусств и культуры, председатель церковного историко-археологического отдела Орловско-Болховской епархии, член межрегионального «Объединения православных ученых».

Данная монография посвящена многогранной деятельности Орловских святителей на рубеже XIX—XX вв., когда Россия переживала сложный период экономического кризиса, русско-японской войны, социально-политических потрясений и революционных событий, приведших к ослаблению государственной власти и упадку влияния Русской Православной Церкви, особенно среди интеллигенции и рабочих масс.

В представленной работе ясно и доступно излагается история формирования российского епископата и особое внимание обращается на синодальный период, когда, начиная с реформ Петра I, усиливается роль и влияние малороссийских епископов и духовенства, приведшая не только к положительным, но и отрицательным последствиям для Русской Православной Церкви и состояния российского общества. Автор знакомит читателя с малоизвестными фактами трагической судьбы иерархов церкви в годы большевистских гонений, об их мужестве и вере, помогавшей им с достоинством и благородством принять свой смертный час. Им также выражается уверенность в том, что современное священноначалие продолжит благородные пастырские традиции помощи и заботы о подопечной им православной пастве, их духовно-нравственном образовании и воспитании, организации благотворительности и различных форм социального служения, чтобы люди видели реальную помощь и не оставались с своими проблемами в одиночестве.

© А.И. Перелыгин
© «Истории русской провинции»
© Молодежное братство во имя Великомученика и Победоносца Георгия

Троицкий собор Свято-Успенского монастыря г. Орла

СОДЕРЖАНИЕ

Церковь до Октября 1917-го 4
Епископат синодального периода 9
Православные братства 14
Епископы и власть 18
Духовное образование 21
Орловские святители 24
Архиепископ Никанор 25
Епископ Ириней 27
Епископ Кирион 31
Митрополит Серафим 33
Епископ Митрофан 38
Епископ Александр 41
Епископ Григорий 44
Епископ Макарий 46
Архиепископ Серафим 51
Церковь в наши дни 54

ЦЕРКОВЬ ДО ОКТЯБРЯ 1917-го

На рубеже XIX—XX вв. Россия была переполнена противоречиями во всех сферах жизни общества, в т. ч. и в церковной. Имея более тысячи монастырей, около 50 тыс. приходских храмов, 50 духовных семинарий и 4 духовные академии, 28 православных миссий и около 40 тыс. церковно-приходских школ, множество святых подвижников, замечательных святителей, миссионеров, величайшую православную культуру, мировую богословскую школу, Русская Православная Церковь всё же не могла остановить сильнейший процесс духовного упадка и в народе, и в монашестве, и в духовенстве [1, с. 295]. Тем не менее у Церкви вплоть до 1917 г. оставались обширные земельные угодья. Согласно данным статистики по 50 губерниям, к 1905 г. Церковь располагала 1,9 млн. десятин земли, а еще 0,3 млн. десятин находилось в частной собственности духовных лиц. Ей принадлежало немало промышленных предприятий и торговых заведений, доходных домов. Она обладала значительным имуществом и денежными средствами. В конце XIX в. Синод ежегодно отпускал на содержание православного духовенства 7 млн. рублей в год, а государственное казначейство — 18 млн. рублей. Церковь получала также пожертвования, доходы от церковных земель, имуществ и проценты с капитала. Самым крупным вкладчиком в сберегательные кассы являлось духовенство: 46 млн. рублей. Высшее духовенство, руководящие органы Русской Православной Церкви и часть монастырей поддерживались за счет бюджетного финансирования (смета Синода рассматривалась в Государственной думе), имея и иные источники доходов. Однако основная масса священнослужителей содержалась в основном за счет оплаты прихожанами треб, добровольных пожертвований, а сельские священники и от ведения сельского хозяйства на выделенной церковному приходу земле своими силами или с помощью наемных работников. Еще И. Т. Посошков в XVIII в. писал: «О сем я неизвестен, как деется в прочих

христианских землях, чем питаются сельские попы, а о сем весьма известен, что у нас в Руси сельские попы питаются своей работой, и ничем они от пахотных мужиков не отмечены (не отличны): мужик за соху и поп за соху... Жалования государева им нет, от миру подаянию никакого нет же, и чем им питаться, Бог весть» [2, с. 34, 37—38]. И в последующем земля продолжала оставаться для сельских приходских священников основным источником средств к существованию.

Образ жизни приходского духовенства требовал все больше денег, которые шли на обучение детей, покупку одежды и предметов домашнего обихода. По некоторым подсчетам, семье священника в год необходимо было тратить 647 руб. 50 коп. серебром: 357 руб. на семью, а 250 руб на учащихся детей. В то же время в тех сельских приходах, где получали дотации казны, на долю священника выпадало всего 100—200 рублей [3, с. 36]. Остро стоял вопрос о пенсиях духовенства, который к концу синодального периода полностью решен не был. С 1866 г. священникам со служебным стажем в 35 лет начислялась пенсия в 90 рублей в год, а их вдовам — 65 руб. В 1878 г. пенсии священников были повышены до 130 руб., а их вдов — до 90 руб. В 1876 г. пенсионным обеспечением были охвачены протодиаконы, а в 1880 г.— диаконы (65 руб., вдовам — 50 руб.). Однако величина пенсий духовенства была очень мала. С целью улучшения их материального положения стали создаваться церковные организации взаимопомощи. Первое церковное Общество взаимопомощи в 1864 г. было учреждено в Орловской епархии, а затем — в Самарской епархии в 1866 г. с организацией здесь первой епархиальной эмеритальной (пенсионной — **А. П.**) кассы; оба учреждения действовали на добровольных началах.

Располагая собственными доходами, церковь вела благотворительную деятельность, хотя и скромную, если исходить из ее возможностей. В конце XIX в. при монастырях и церквах существовало 480 больниц и 729 богаделен, в том числе при православных монастырях 134 больницы при-

мерно на 1600 коек и 84 богадельни более чем на 1200 мест. Успешнее действовала церковь в борьбе с пьянством. Всероссийское Александро-Невское братство трезвости объединяло 1800 церковных обществ трезвости. За десять лет перед первой мировой войной было израсходовано на борьбу с пьянством полмиллиона рублей, и более миллиона алкоголиков, нуждающихся в лечении и опеке, были охвачены братством.

Поскольку духовенство представляло собой значительную общественную прослойку (только в РПЦ насчитывалось в 1912 г. 300 тыс. лиц, принадлежавших к белому и черному духовенству), оно существенно влияло на массы, и прежде всего крестьянские. Так, в земских организациях священники зачастую (9%) были инициаторами создания сельскохозяйственных обществ и избирались их председателями в 1912 г. в 12% обществ. В 3% обществ секретарями были диаконы и псаломщики. Число этих обществ особенно быстро росло в годы столыпинского реформирования. На съездах мелких землевладельцев и настоятелей церквей в 1912 г. в 46 губерниях Европейской России были выбраны из 7990 уполномоченных 6516 (или 82%) священников (уполномоченные избирались от мелких землевладельцев и от приходов). В III Государственной думе из 442 депутатов 49 (более 10%) были лицами духовного звания [3, с. 36—37].

Таким образом, Церковь с первого взгляда казалась стройной, единой и сильной организацией. Однако, связанная с самодержавным государством, не пережившая реформ и не приспособившаяся к условиям нового капиталистического общества, российская Православная Церковь находилась в кризисном положении. За время синодального управления она была доведена до уровня безынициативной и во многом неавторитетной организации. Духовенство замкнулось внутри себя, т. е. отделилось от паствы, разделилось по иерархии и имущественному достатку. Количество прихожан, проявляющих безразличие к вере, с каждым годом

постоянно увеличивалось. Особенность кризиса православия состояла в том, что он проявился во всеобщем падении общественного престижа религии, обесценивания ее роли в решении общественно значимых проблем. Пагубное подчинение Церкви государству привело к внутреннему разладу и ослаблению нравственных начал в обществе, наталкивало на мысль о необходимости церковных преобразований.

Первая русская революция, в условиях которой были предоставлены некоторые свободы, усилила стремление к преобразованию церковной жизни. Почти все архиереи стали требовать реформирования Церкви. Их общее мнение склонялось к разделению Церкви на самоуправляющиеся митрополии ввиду колоссальных размеров территории России. В митрополиях предполагалось восстановить каноническую частоту Соборов и автономию местного епископата, занимающего кафедру пожизненно, а также увеличить число архиереев, создавая повсеместно и уездные кафедры вместо викариатств, которых не знала практика древней Церкви. Предполагались и другие реформы (восстановление автономии и самоуправления прихода как основной ячейки соборности, обеспечение большей понятности мирянам богослужения, преобразование церковного суда, школьного дела). Слухи о намечающейся реформе проникли в печать. 17 марта 1905 г. «Церковный вестник», орган Петербургской духовной академии, опубликовал записку 32-х петербургских священников «О необходимости перемен в русском церковном управлении», основавших Союз церковного обновления, в котором объединились часть городского духовенства и профессура духовных учебных заведений. Их поддерживали представители буржуазии и либеральной интеллигенции. Течение это, так называемое «обновленческое движение», зародилось в церковной среде еще до революции 1905 года. Почвой, на которой оно сформировалось, были организованные в 1901 году «религиозно-философские собрания».

Обновленцы считали, что реабилитировать себя в глазах

общественности Русская Церковь должна отказом от обожествления самодержавия и перестройкой всех сторон церковной жизни в соответствии с нуждами капиталистического развития страны. Опираясь на каноны ранних соборов, они отвергали перемещаемость епископов, систему возвышения архиереев по службе с переводом из меньших в большие и более центральные епархии, выступали против наград и орденов для духовенства, добивались освобождения Православной Церкви от католического клерикализма путем введения соборности церковного деления управления на всех ступенях с соучастием мирян, выборности духовенства (и священников, и епископов). По их мнению, Церковь не должна связываться ни с какой формой государства: эта связь кощунственна для Церкви и нередко ведет «даже к связи с полицейским участком». «Обновленцы» уже на раннем этапе отрицали богопомазанность монархии, стоя на точке зрения разделения сфер власти. Они были сторонниками максимального участия Церкви, духовенства и мирян в общественной жизни. Обновленческий союз, в отличие от того, что под тем же названием будет создан после большевистской революции, в своих требованиях не уходил слишком далеко. Союз усматривал в восстановлении патриаршества мелкий суррогат папства и предлагал взамен широкую децентрализацию Церкви с периодическими совещаниями епископов и т. п.

14 января 1906 года, с одобрения императора, Синод вынес определение о создании особого Присутствия под председательством митрополита Антония для подготовки Всероссийского Поместного Собора. В Предсоборном Присутствии, начавшем работу 8 марта 1906 г., борьба в основном велась между обновленцами и традиционалистами. На заседаниях Предсоборного Присутствия восстановление патриаршества рассматривалось как панацея от всех бед Церкви. Часть либерального белого духовенства была против ибо опасалась, что совершенное упразднение государственного контроля над Церковью приведет к усиле-

нию власти епископов. Их поддерживали и представители профессорско-преподавательского состава духовных академий. Предсоборное Присутствие, отвергнув предложенную обновленцами довольно умеренную программу церковных реформ, не смогло выработать новых решений укрепления церковной организации. Иерархи все свои предложения свели к упрочению политической системы и к частичному преобразованию церковного управления. Разногласия, которые обнаружились в Предсоборном Присутствии, заставляли правительство пересмотреть свое отношение к вопросу о Соборе. 25 апреля 1907 г. царь отказался от мысли созыва Собора, под предлогом ввиду «переживаемого ныне тревожного времени» наложил резолюцию: Собор пока не созывать. Как предупреждали авторы книги «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (1909 г.) Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. С. Изгоев, П. Б. Кистяковский, П. Б. Струве, С. Л. Франк, семена нигилистической пропаганды, распространявшейся радикальной интеллигенцией, в частности через народные школы, уже давали свои плоды. По крайней мере с 1906 г. в Синод поступали докладные записки из епархий о наблюдающемся массовом отходе от Церкви рабочего люда, отвращаемого революционерами и учителями земских школ. В годы 1-й мировой войны по мере роста недовольства войной в народе возникали под влиянием революционной пропаганды настроения против Церкви и тенденция обвинять в войне духовенство. Но царь и его окружение предпочитали верить в непоколебимость Церкви и в народ как ее прочную опору, откладывая реформы до «всеобщего успокоения». Кризис традиционного русского православия не преодолели, а лишь загнали вглубь.

ЕПИСКОПАТ СИНОДАЛЬНОГО ПЕРИОДА

Трагедия русского епископата синодального периода заключалась в несостоятельности его пастырской деятельности, что привело к образованию глубокой пропасти,

Император Пётр I

отделившей иерархов от низшего духовенства и паствы. Многие представители епископата видели свою задачу в управлении верующими, а не в их пастырском окормлении. Такую позицию занимали, например, Филарет Дроздов — в XIX, Антоний Храповицкий — в XX веке и некоторые другие иерархи [4, с. 312—313]. Эта установка встречала всё более острую критику со стороны духовенства и народа и свидетельствовала о том, что общество было неравнодушно к внутренним проблемам Церкви.

Ответственность за бедственное состояние духовенства, особенно сельского, возлагалась на учёное монашество и архиерейский деспотизм так называемых князей Церкви. В Московском государстве до Петра I пребывание в монастыре считалось необходимым условием для получения епископского сана. В синодальный период, напротив, епископы, как правило, происходили из среды ученого монашества, которое, в отличие от монастырской братии, было мало знакомо с собственно монастырской жизнью. Значение ученого монашества трудно переоценить — на протяжении всего периода от XVIII до XX в. на нем лежало не только управление Церковью, но и руководство всей пастырской работой. Однако отношение иерархов к своим служебным и пастырским обязанностям в течение 200 лет оставляло желать лучшего. Колыбелью ученого монашества в XVII в. была Киевская духовная академия. С начала XVIII в. Петр I начал назначать их и в Великороссию, где они становились главным образом преподавателями Московской академии. Уровень образования малороссийских иерархов был значительно

выше, чем у их великорусских собратий. В одном из указов Петра от 1719 г. предписывалось назначать ученых монахов и иеромонахов в столичные церкви и в Александро-Невский монастырь с перспективой поставления в епископы. Петр хотел иметь образованных епископов; к тому же он не доверял великорусскому монашеству и епископату, видя в них противников своих реформ и приверженцев патриаршества.

Малороссийские епископы действительно не были фанатичными сторонниками патриаршества, да и вообще идея патриаршества не была популярна на Украине, которая была вынуждена подчиниться Московскому патриарху только в 1686 г. Однако вскоре выяснилось, что украинские архиереи вовсе не были такими реформаторами, как того ожидал Петр. Единственным искренним приверженцем Петровских реформ среди них являлся Феофан Прокопович, другие же, будучи сторонниками неограниченной и независимой епископской власти, хотя и подчинились государственной церковности Петра, отнюдь не были согласны с нею в принципе.

Для формирования нового епископата по плану императора Петра учреждались две семинарии, выпускники которых занимали бы высшие церковные должности. После принятия монашества они должны были в течение трехлетнего испытательного срока в Александро-Невском монастыре наряду с выполнением своих монашеских обязанностей также читать, переводить и сочинять проповеди. Как ученым монахам, им в сравнении с обычными монахами полагались привилегии, прежде всего — в отношении одежды и пищи. «Годные» назначались преподавателями духовных училищ, игуменами монастырей и епископами, а «негодные» рассылались по монастырям простыми монахами [4, с. 290].

Не имея возможности противостоять непрерывно нараставшему в XVIII в. давлению государства, епископы давали выход своей властности в другом — в деспотической жестокости по отношению к подчиненному духовенству, находя при этом опору у своих земляков, заседавших в Святейшем

Синоде, который в первой половине века состоял сплошь из малороссийских епископов. Хорошо осведомленный в этом отношении Феофан Прокопович отнюдь не случайно включил в «Духовный регламент» следующие слова: «Ведал бы всяк епископ меру чести своея и не высоко бы об ней мыслил»; «следует... чтоб епископ не был дерзок и скор, но долготерпив и рассудителен во употреблении власти своей» (О епископах, ст. 14 и 16) [4, с. 300]. В то время в епархиях малороссийские архиереи были чрезвычайно непопулярны. Лишь в 1754 г. вышел указ, предписывавший Святейшему Синоду выдвигать на должности настоятелей и епископские кафедры не только малороссийских, но и великорусских кандидатов.

Высокомерие и властолюбие были характерными чертами многих иерархов не только XVIII в., но и века XIX. На уровне епархиального управления эта власть действовала без всяких ограничений. По отношению к священникам, церковным слугам и чиновникам управлений применялись телесные наказания вплоть до их окончательной отмены Александром I в 1801 году. За самые незначительные проступки священники и диаконы ссылались в монастыри. Считалось мягкостью, когда в наказание заставляли монастырское духовенство всего лишь колоть дрова. Недобрую репутацию снискали себе многие епископы, как, например, Орловский епископ Никодим Быстрицкий, в личности которого явно проступали странные черты, — настолько окаменевшим и безжизненным выглядел этот аскет, спавший на голых досках с поленом под головой и совершенно бесчувственный ко всему окружающему.

Осуждение вызывала роскошь архиерейской жизни. Собственный выезд четвериком был обычным делом, мантии носились бархатные и шелковые. При Павле I епископов стали награждать орденами, и даже совершать богослужения приходилось в лентах и звездах. И только Александр III лично отменил этот ненужный обычай. Однако епископы по-прежнему старались перещеголять друг друга доро-

гостоящими церковными облачениями, которые приобретали сами или получали в качестве пожертвований. Лишь немногие иерархи обладали достаточной зрелостью и значительностью личности, чтобы достичь близости с духовенством и народом, при этом не теряя собственного достоинства и сохраняя дистанцию. В большинстве случаев оставалась глубокая пропасть между епископатом и духовенством, а также народом. Эта пропасть, этот отрыв епископов от своей паствы были роковыми для Русской Церкви.

Феофан Прокопович

Корнями этой опасности, которые в продолжение XVIII в. всё глубже проникали в религиозное сознание русских людей, были представление об особой возвышенности и неограниченности епископской власти и роскошь архиерейского быта, которую принесли с собой в Великороссию украинские иерархи в XVIII в. Этот уклад высшего православного духовенства формировался ещё в XV—XVI вв. на украинских землях, когда под влиянием вводимых Польшей социальных порядков высшее духовенство, большая часть которого происходила из шляхетской среды и была тесно связана с магнатско-шляхетскими кругами, пользовалось многими привилегиями, имело много феодальных прав, владело населенными местами, пользовалось бесплатным принудительным трудом. Его классовые интересы совпадали с интересами не народных масс, а с польско-католическими. Неудивительно поэтому, что в тот исторический период в Украине не было ни одного борца за народные права из среды высшего православного духовенства. Поэтому

не случайно в те неблагоприятные для Православной Церкви времена в Юго-Западной Руси появились сыгравшие огромную роль в ее религиозной жизни православные церковные братства.

ПРАВОСЛАВНЫЕ БРАТСТВА

Это были общества, составлявшиеся из православных лиц разного звания и состояния, вставших на защиту православных южно-русской Церкви от угнетения со стороны латинян и лютеран, стремившихся вовсе уничтожить Православную Церковь в польских владениях (в XVI и XVII веках). Обогащая свои храмы различными пожертвованиями и вкладами, Братства учреждали при них монастыри, богадельни, странноприимные дома, госпитали, училища и типографии. Пользуясь от королей различными привилегиями и правами, покровительством патриархов и митрополитов, имея в числе своих членов многих знаменитых особ княжеского рода и дворянского сословия, находясь в постоянных сношениях по разным нуждам с иностранными государствами: с Восточной Россией, Грецией и Молдавией, — братства мало-помалу сделались, с одной стороны, представителями всего русского народонаселения в Юго-Западной России, а с другой — самым твердым оплотом и защитой православной Веры против всех нападений на нее римских католиков и униатов [5, с. 2]. Первое братство было основано в 1439 г. во Львове (в Галиции). С XV до XVII в. число братств росло. Они учреждались в больших городских общинах, прежде всего в центрах существовавших тогда еще православных епархий. До Брестской унии с римским папой 1596 г., (с того времени и появились греко-католики) их деятельность ограничивалась благотворительными и религиозно-просветительскими задачами, многие братства открывали школы. В Польско-Литовском государстве они обладали правами юридических лиц и на основе действовавшего там магдебургского права получали от польских королей определенные привилегии. После унии братства стали центрами религиозной

жизни православного населения; они развернули очень активную апологетическую работу и полемику против унии и католицизма. В типографиях братств печаталось много полемических и апологетических сочинений. Для охраны православной Веры в народе братства сделали значительно больше, чем епископы или духовенство. Поэтому неудивительно, что с начала XVIII в. в связи с расширением унии их деятельность была сильно ограничена. За пределами Киевской митрополии, которая с 1685 г. была подчинена Московскому патриарху, а потом Святейшему Синоду, в скором времени сохранилось лишь небольшое число братств. Во 2-й половине XVIII и в 1-й половине XIX в. они были уже редким явлением. С 50—60-х гг. XIX в. вновь возрождается интерес к идее братств. Вначале в некоторых приходах стали возникать учреждения благотворительного характера для помощи бедным и престарелым прихожанам, а также сиротам. О православных братствах, какими они были до 1700 г., вспомнили прежде всего из-за их апологетической и миссионерской деятельности. В это время церковная власть была очень обеспокоена усилением раскола и ростом сект. 8 мая 1864 г., незадолго до введения приходских попечительств, Синодом с одобрения императора были опубликованы «Основные правила для учреждения православных церковных братств». Если приходское попечительство было связано с приходом и его деятельность распространялась только на территорию соответствующего прихода, то члены братства могли быть из разных приходов и даже из других мест. В отличие от приходских попечительств, братства признавались в качестве юридических лиц и могли приобретать

Знак Орловского православного Петропавловского братства

собственность. Кроме того, как церковные учреждения они были в своих правах более самостоятельными по отношению к епархиальному управлению. При своем основании им достаточно было зафиксировать цель и задачи своей деятельности в уставах, которые утверждались епархиальной властью. Их задачами были: 1) служение Церкви, направленное на устранение стоящих перед ней трудностей, и умножение ее блага; 2) борьба с расколом и сектами посредством апологетической миссионерской работы, а также защита Православной Церкви от пропаганды иных вероисповеданий; 3) основание школ с целью православного воспитания; 4) помощь в строительстве церковных зданий и внутреннем убранстве церквей; 5) благотворительная деятельность; 6) материальное обеспечение клира. Братства учреждались, как правило, при больших приходских церквах и кафедральных соборах; святыми покровителями братств были покровители соответствующих приходов или особенно чтимые святые.

Рост числа братств со 2-й половины XIX в. и расширение сферы их деятельности, которая приносила благо Церкви и верующим, объяснялись устройством братств; в своей работе они чувствовали себя значительно свободней, чем приходские попечительства; их члены были выходцами из всех слоев народа; они сами определяли себе поле деятельности; братчики имели равные голоса при вынесении решений. Епископы не были заинтересованы вступать в спор с братствами. Успехи братств, изложенные в отчете епархиального управления обер-прокурору или Синоду, нередко влияли на карьеру архиереев. Синод рекомендовал епархиальным архиереям оказывать особую поддержку миссионерской работе братств и предоставлять им в зависимости от местных условий широкое поле деятельности. Уже к 1893 г. существовало 160 братств с 37 642 членами, и часто они делали для религиозной жизни народа в епархиях больше, чем другие церковные учреждения. Братства, несмотря на специализацию некоторых из них, были светлым явлением в церковной жизни. Они были примером активного участия мирян в жизни Церкви [6, с. 83—85].

Примером тому может служить открытое 5 декабря 1865 г. братство при Орловской семинарской церкви, которое ставило на первый план в своей деятельности благотворительность. В создание и работу благотворительного братства внес большой вклад ректор Орловской духовной семинарии архимандрит Палладий. В продолжение своей шестилетней деятельности братство при Иоанно-Богословской церкви оказало помощь и поддержку многим нуждающимся воспитанникам семинарии. В дальнейшем эту работу продолжило Иоанно-Богословское попечительство при Орловской духовной семинарии. Первые основы орловского церковного братства были заложены еще в 1884 г. епископом Орловским и Севским Симеоном, когда по его примеру стали ежегодно вносить в кассу епархиального училищного совета денежные пожертвования. Открытие братства было назначено на 2 марта 1887 г., где после службы в архиерейской домовой церкви, молебна и речи епископа Симеона состоялось собрание членов-учредителей. Братство в Орле учреждалось при кафедральном соборе Святых Первоверховных Апостолов Петра и Павла, являвшемся местом молитвенных собраний братчиков, внешним центром, их объединявшим. В нем находилась святыня братства — икона небесных покровителей, святых Петра и Павла. В 1897 г., спустя десять лет с момента открытия братства, в нем состояло 779 членов.

По предложению Преосвященного Мисаила в июле 1890 г. Совет братства был объединен с епархиальным училищным Советом по причине сходства их главных задач. Деятельность братства выражалась не только в ведении внебогослужебных церковных чтений, в содержании бесплатных библиотек-читален и устройстве бесплатных чтений при церковно-приходских школах; бесплатной раздаче и удешевленной продаже книг, брошюр, листков и изображений религиозно-нравственного содержания, но и в содержании Братской ремесленной школы-приюта и поддержке церковно-приходских школ. Школа-приют была открыта в 1891 г. при Орловском Архиерейском доме с целью содержания, обучения

общеобразовательным предметам по программе одноклассных церковно-приходских школ и переплетному ремеслу детей епархиального духовенства (мальчиков), не поступивших в другие духовно-учебные заведения либо уволенных из них и оставшихся без средств к существованию. В школе было 2 учителя, 19 учеников. Впоследствии на базе ремесленной школы была открыта Орловская братская псаломщическая школа по образцу Киево-Михайловской школы. В 1893 г. братством были учреждены при всех церковно-приходских школах бесплатные библиотеки. Многогранная деятельность Орловского православного Петропавловского братства сыграла значительную роль в деле духовного и религиозно-нравственного просвещения на Орловщине. Крупным вкладом православных церковных братств в педагогическое наследие стало создание братских школ, послуживших моделью для организации первых учебных заведений в России. Братскую школу изначально отличала социальная направленность: она была открыта для детей любого социального положения, братства оказывали помощь бедным ученикам школ и особенно сиротам, которые обучались бесплатно. Образование в братской школе по своему содержанию включало наряду с духовными и светские дисциплины [7, с. 210, 574, 578; с. 172].

ЕПИСКОПЫ И ВЛАСТЬ

В синодальный период Церковь рассматривалась светской властью как важный внутригосударственный институт и использовалась как инструмент внутренней политики. После преобразования Московского царства в результате Петровских реформ в полицейское государство начался период государственного контроля над Церковью в форме всякого рода административных распоряжений, а также различных способов ее опеки. Кроме причин общего характера существовали ещё особые основания для вовлеченности правительства в религиозную сферу. Конфессиональная структура Петровской империи существенно отличалась от структуры допетров-

ской России, которая в основном была конфессионально монолитным образованием: православное исповедание в нем доминировало. Географическое расширение России в XVIII—XX вв. превратило ее в многоконфессиональное государство, в котором православное население постоянно соприкасалось с другими христианскими конфессиями и нехристианскими религиями. Ввиду этой новой ситуации правительство считало себя вынужденным гарантировать защиту православной Веры от распространения неправославных религиозных воззрений и некоторых сект, численность которых заметно выросла. Еще в XVIII в. епархии были почти не затронуты властью обер-прокурора. Епархиальный архиерей, исполнявший свои обязанности в согласии со взглядами собратий в Святейшем Синоде, имел возможность в случае конфликтов с государственной властью рассчитывать на их поддержку, в особенности если дело касалось канонически обоснованных границ епископской власти.

Император Александр III

В XIX веке в связи с усилением власти обер-прокуроров ситуация в епархиях полностью изменилась, в особенности же с тех пор, как в самих епархиальных управлениях у обер-прокуроров появились личные уполномоченные в лице консисторских обер-секретарей. Теперь епископ находился под постоянным контролем, так что о самостоятельном церковном управлении практически не могло быть и речи. Серьезное сопротивление власти каралось увольнением на покой. Излюбленным средством воздействия на архиереев были частые переводы их из одной епархии в другую, что являлось грубым нарушением канонического права. Так, в соответствии

с 14-м правилом апостолов, постановлениями 1-го вселенского Никейского, Антиохийского и Сардикийского соборов перемена кафедр допускалась только в случае чрезвычайной необходимости. То, что в каноническом праве определялось как исключение, стало в России правилом. В среднем каждый архиерей за свою жизнь менял три кафедры, а каждая из епархий раз в семь лет получала нового владыку.

Служебная карьера епископов оказалась втянутой также в орбиту фаворитизма. В числе фаворитов при дворе наряду со светскими лицами были и представители духовенства. В XX в. благодаря Распутину фаворитизм среди духовенства пережил свой самый пышный расцвет. Пользуясь влиянием при дворе, и прежде всего на государыню Александру Федоровну, он содействовал служебной карьере угодных ему архиереев и обер-прокуроров, а неугодных — свергал.

В XIX и XX веках очень часто происходили столкновения между епархиальными властями и губернаторами. Губернатор прежде всего видел в епархиальном архиерее чиновника по «ведомству православного исповедания», поэтому отношения между ними строились в зависимости от личного отношения губернатора к Церкви, а также способности епископа заслужить бесспорный нравственный авторитет. Давление, которому подвергались в своей деятельности епархиальные архиереи, угнетающе сказывалось на душевном состоянии иерархов. Многие из них, как показывают примеры, описанные в воспоминаниях архиепископа Никанора Бровковича, митрополита Евлогия Георгиевского о двух последних десятилетиях синодального периода, доходили до полной растерянности.

К концу XIX века рост народного образования выдвигает повышенные требования к пастырскому служению. На юге и юго-западе империи появились новые секты, были ещё епархии с нехристианским в большинстве своём населением, а также такие, где активно проводилась католическая миссионерская пропаганда. И только от епископа зависело, удавалось ему или нет укрепить свой моральный авторитет образцовой жизнью, человечностью и достойным отправле-

нием богослужений (обстоятельство очень важное и высоко ценившееся прихожанами). Популярность епископа прежде всего зависела от его способности торжественно и величаво отправлять богослужение. Русский народ всегда ценил архиереев, которые умели служить с подобающим достоинством, прощая им за это иные их слабости. Архиерейское богослужение являлось одним из средств привлечения народа к церковной жизни и в определенной степени служило инструментом внутренней миссии. Огромное значение имело умение произнести проповедь, которая рассматривалась как главное средство пастырского окормления.

ДУХОВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Несмотря на благополучную в целом жизнь архиереев, начиная с 70-х годов XIX века количество постригов в монашество среди выпускников академий стало быстро уменьшаться. Всего за вторую половину XIX и начало XX века на замещение епископских кафедр было поставлено около 40 человек из числа принявших монашество овдовевших протоиереев, профессоров академий и преподавателей семинарий [4, с. 293]. Одной из причин этого явления следует признать усиление революционных настроений в обществе в послереформенный период после 1861 г. и повышение активности революционно мыслящих представителей либеральных кругов и разночинцев, пропагандировавших

М.М. Сперанский

свои идеи, в основном заимствованные с Запада, среди народа и находивших среди студентов и рабочих особенно благодатную почву для их распространения. В ходе реформ Александра II в 1867 году было отменено наследование духовных должностей, а четырьмя годами ранее окончившим духовные семинарии было разрешено поступление в университеты, что незамедлительно вызвало бегство в светские заведения. В результате уже в 1878 году 46 процентов всех студентов составляли бывшие семинаристы [4, с. 324]. Когда в 1879 году семинаристам вновь запретили поступать в университеты, их поток устремился в военные училища, которые были открыты для них с 1866 года. И только Александр III вернул им это право — получить светское образование, но ограничил его университетами в Томске и Варшаве.

Для преодоления сложившихся кризисных явлений в Русской Православной Церкви требовалось преобразование всего строя церковной жизни и жизни православного общества, а также духовное преображение каждого отдельного человека, что достигается личным примером подвижнической жизни пастыря и его душепопечительной деятельностью (духовное руководство жизнью пасомого, исповедь, духовное воспитание). Однако со стороны государственной и церковной власти в этом направлении никаких серьёзных шагов не предпринималось.

В то же время, несмотря на сложившиеся глубокие противоречия в обществе и Церкви, следует признать, что на рубеже столетий русская богословская мысль переживала расцвет, начало которому положила подготовка проекта реформ духовного образования в первые годы XIX века. Ключевое значение в разработке программы этой реформы имел приближенный к царю крупный государственный деятель Михаил Сперанский, сам вышедший из духовной школы. Духовное образование было разделено на три ступени: приходское училище, духовная семинария и духовная академия. В 1808 году программа реформ была окончательно выработана, утверждена и подписана Александром I.

К концу 30-х — 40-х гг. XIX в. вместо латинского языком преподавания в духовных заведениях стал русский. Именно из-за того, что латинский язык перестал быть языком преподавания, были выполнены многочисленные переводы святых отцов на русский язык. В допетровскую эпоху вся библиотека святоотеческой литературы на славянском языке составляла всего несколько десятков сборников — в основном отрывков из сочинений святых отцов. Перевод творений святых отцов, как грекоязычных, так и латиноязычных, на русский язык — одно из важнейших дел русской церковной науки XIX в. На штатные места духовной академии поступали только так называемые казеннокоштные студенты — лучшие выпускники семинарий, рекомендованные к учебе в тех академиях, к которым эти семинарии были приписаны. Например, рязанские или тульские семинаристы могли поступать только в Московскую академию, пермские приписывались к Казанской, а орловские или воронежские — к Киевской. Для остальных абитуриентов, составлявших категорию своекоштных, иначе говоря «платных», студентов, которых государство не содержало, был конкурс, поскольку принять их могли тоже в ограниченном числе [8, с. 7, 8, 9]. В духовных академиях велась подготовка преподавателей богословских школ, деятелей церковной науки, кандидатов на высшие церковные должности, в том числе на архиерейские кафедры. Из статистики о епископате конца XIX и начала XX века интересны следующие данные.

Патриарх Алексий I

В 1897 году епархиями управляли 100 епископов; из них 78 являлись выпускниками духовных академий, 8 — семинарий, один имел университетское образование, один — военное, светские гимназии окончили 12; 39 до пострига были вдовыми священниками; из иных сословий (не духовного) происходили 4. В 1903 году насчитывалось 16 епископов на покое и 107 — занятых церковным управлением, из них 3 митрополита, 15 архиепископов и 105 епископов. 109 были выпускниками академий, 8 — семинарий, законченное университетское образование имели 2, незаконченное — ещё 2, сельскохозяйственное образование — 1, военное — 1, четверо были докторами богословия. 5 иерархов были старше 80 лет (среди них двое ещё управляли епархиями), 14 — старше 70 лет; самому младшему было 34 года. Все окончившие академии, за исключением трех, прошли обычный путь учёных монахов: через семинарию и академию — к епископскому сану, и даже большинство бывших вдовых священников некоторое время преподавали в семинариях. Таким образом, и для тех, и для других в равной мере педагогическая деятельность послужила «подготовкой» к епископской кафедре [4, с. 293]. Замечательную характеристику богословского образования синодальной эпохи дал Святейший Патриарх Алексий I (Симанский): «Прежняя духовная школа была школой серьезной, глубокой, строгой, а в иных случаях и суровой школой. Добрая ей память, честь и слава! Из нее вышел целый сонм святителей, ученых богословов, скромных, но трудолюбивых работников на всех поприщах церковной, государственной и общественной деятельности» [9, с. 421].

ОРЛОВСКИЕ СВЯТИТЕЛИ

Именно такими и были наши орловские святители. Все они были люди неординарные, имели высокий уровень богословского образования и твёрдые религиозно-нравственные убеждения. За их плечами был богатый опыт жизни и пастырского служения.

В силу своих возможностей они стремились повысить уровень обучения в школах, духовных училищах и семинарии, создавали определённую систему воспитания посредством организации кружков, где детей обучали различным ремеслам и трудовым навыкам. По мере возможностей епископы наблюдали за подчинёнными им духовными лицами. Стремились принимать в священство людей по пожеланию прихожан и Духовному регламенту. В соответствии с предъявляемыми требованиями они должны были быть: «... надёжными, всякого буйства чуждые, в поведении беспорочном испытанные, которые и обучением, и примером утверждали бы своих духовных чад в спокойствии, добрых поступках...» [10, л. 1]. Если священнослужители не соблюдали правила приличия духовного сана, посещали питейные заведения, буянили, в первый раз, на основании Апостольских правил, их отрешали от мест, ссылали в архиерейские дома или определяли в ближайший монастырь для осмысления своего поведения. Если человек исправлялся и вёл порядочную жизнь, то его восстанавливали в должности, в другой раз отрешали от приходов и определяли запрет на священнослужение, а если и это не помогало, то и вовсе лишали чина [11, с. 152—153].

АРХИЕПИСКОП НИКАНОР

Первым орловским святителем, о ком пойдет речь был епископ Орловский и Севский Никанор (Каменский Никифор Тимофеевич), родился в 1847 г. в селе Солодники Черноярского уезда Астраханской губернии в семье дьякона. Владыка прибыл в г. Орел 10 февраля 1899 г. и вступил в управление епархией, а уже 14 февраля совершил первую Божественную литургию в Петропавловском кафедральном соборе. В тот же день Его Преосвященство присутствовал в Доме дворянства на собрании по поводу празднования столетия со дня рождения А. С. Пушкина и первым поставил подпись за открытие библиотеки его имени [12, с. 301]. В течение трехлетнего правления в Орловской епархии он показал себя неутомимым и энергич-

Епископ Никанор (Каменский)

ным архипастырем. Владыка часто ездил и посещал приходы во вверенной ему епархии, а также школы и гимназии. Не чурался бывать на промышленных предприятиях, встречаться с народом. 20 июня 1899 г. епископ Никанор произнес архипастырское слово на рельсопрокатном Брянском заводе. Много внимания уделял религиозно-просветительской и миссионерской деятельности. Под его руководством 16 сентября 1901 г. в Орле был открыт миссионерский съезд. Он внимательно следил за деятельностью сектантов и стремился не допустить их влияния на православную паству. Епископ Никанор заботился о бесплатном наделении книгами школьных библиотек, занимался широкой благотворительностью из личных средств. Им неоднократно были сделаны крупные пожертвования в духовно-учебные заведения Орловской епархии и в Казанскую духовную академию на содержание беднейших учащихся, в Орловское епархиальное попечительство о бедных духовного звания и другие места. В родном селе Солодники Черноярского уезда Астраханской губернии на собственные средства построил церковь-школу, которую сам освятил 18 сентября 1899 г. В гг. Смоленске и Орле основал церковно-археологические комитеты. Епископ Никанор занимался научной деятельностью в области богословия, истории, педагогики, вопросами епархиальной жизни. За время пребывания в Орле им было опубликовано до 30 сочинений. Из исторических трудов известны: «Исследования о святынях города Казани», «Жизнеописание казанских архипастырей», «Описание казанских

церквей и монастырей», «Исторический очерк Астраханской епархии и церквей ее»; «Исследование об остатках языческих верований у чуваш», «История Смоленской земли до XV века» и т. д. Кроме того, им изданы труды по богословию, среди них: «Изображение Мессии по Псалтири», «Объяснение соборных посланий», «Объяснение литургии», «Святой Иоанн Златоуст и его творения» и др. 28 апреля 1902 г. епископ Никанор совершил в Петропавловском соборе свое последнее богослужение и 8 мая отбыл в Екатеринбург [13, с. 1636—1637]. В дальнейшем его послужной список пополнился новыми назначениями: в 1903 г. — епископ Гродненский и Брестский, в 1905 г. — архиепископ Варшавский и Привисленский, в 1908—1910 гг. — архиепископ Казанский и Свияжский, где и скончался 27 ноября 1910 года [4, с. 697].

ЕПИСКОП ИРИНЕЙ

Его сменил епископ Ириней (Орда Харисим Михайлович), который родился в 1837 г. в селе Самовица Золотоношского уезда Полтавской губернии в бедной семье сельского священника [14, с. 383—391; с. 466—468]. С детства будущий Владыка познал нужду и трудности. Преосвященный Ириней вспоминал: «Церковь в селе моего отца стояла на горе, была бедная, деревянная, дырявая. Зимою, в холода, ветер и мороз пронизывали насквозь стены и свободно гуляли по церкви. Отец и я с братом, уже будучи взрослыми, в Академии, — все в нагольных тулупах, которые и в церкви не снимались, — приходили вместе к службам; я с братом читал и пел на клиросе. Теперь вспоминаю всегда, как хорошо был научен тогда народ главным молитвам. Слышишь, бывало, как каждый вошедший в храм прочитает начальные молитвы или, по крайней мере, «Отче наш», «Богородице Дево», а затем каждый прочитает «Символ веры» и «Девятословие»».

Он много и плодотворно занимался вопросами пастырской жизни и практики. В «Трудах Киевской духовной академии» им опубликован ряд статей в опровержение книги Рена-

Епископ Ириней (Орда)

на «Жизнь Иисуса Христа», перевел с немецкого сочинение Ците «Земная жизнь Господа Спасителя нашего Иисуса Христа», которое с 1867 по 1882 г. выдержало 4 издания; с английского языка — «Мученики Колизея» (Киев, 1875 г.), перевёл с французского языка книгу «Пастырские послания апостола Павла», с греческого языка перевёл «Толковую Псалтирь» Евфимия Зигабена (Киев, 1883), издал собственное сочинение «За веру и против неверия». Издавал педагогические труды, редактировал журнал «Воскресное чтение», был редактором журнала «Руководство для сельских пастырей», «Библиографического листка» и «Церковно-приходской школы». В 1891 г. за педагогические и просветительские труды был награжден Высочайшей грамотой. Преосвященный Ириней принадлежал к тому замечательному выпуску Киевской духовной академии, который дал Русской Церкви многих выдающихся иерархов.

28 марта 1902 года император Николай II утвердил доклад Синода о бытии Иринею епископом Орловским и Севским. 1 мая он выехал из Екатеринбургской епархии, в Орел прибыл поездом из Москвы 7 мая. На границе епархии архиерея встретили представители местного духовенства, а на вокзале — ректор семинарии с учениками, члены духовной консистории, городской голова Д. А. Карпов с членами управы и др. С вокзала Владыка направился в Собор, где был отслужен благодарственный молебен. На другой день в своих покоях он принял преподавателей духовно-учебных заведений. Это событие нашло свое отражение в «Орловских епархиальных

ведомостях»: «Все ждали появления нового Владыки. Не прошло и несколько минут, как двери распахнулись и в приемный зал вступил маститый, убеленный сединами и благолепный видом старец, который величественно и истово осенил своим святительским благословлением всех предстоящих посетителей и тотчас же приступил к приему и ознакомлению с представителями педагогического персонала. С первого же появления Владыки и с первых же слов его, обращенных к предстоящим, всем сразу бросились в глаза его необычайная по возрасту бодрость, подвижность и живой энергичный вид и характер, видно было, что в этом бодром теле царит такой же бодрый дух и благолепный старец обладает деятельной натурой. Его живые глаза, его легкие движения, его твердая, звучная и ясная речь с мелодичным голосом и с легким оттенком южного акцента — все убеждало в этом впечатлении. Видимо, большой переезд Владыки из далекого Екатеринбурга до Орла хотя и утомил его, но далеко не ослабил свойственной ему природной энергии и жизнедеятельности. Ободряющее действие произвели на всех приветливый взор его и благодушное выражение лица, сразу располагающие и подкупающие в свою пользу, а дальнейшая полная назидания его речь, обращенная сначала к каждому представляемому лицу, а в заключение к общему собранию, — окончательно укрепили во всех убеждение, что именно «таковъ-бо намъ подобаше архиерей» [15, с. 841—842]. Епископ Ириней был энергичным и трудолюбивым человеком, отличался особым смирением. По воспоминаниям современников, ему были чужды гордыня и тщеславие, не любил славословия и лести. Когда кто-либо пытался ему польстить, он всегда говорил: «О мне ни слова: вот когда умру... тогда как хотите». За время пребывания в Орле он продолжил многие благие начинания своих предшественников. Более всего обращал внимание на проповедничество, необходимость непрестанного практически-жизненного учительства паствы, что подтверждал собственным живым словом с церковной кафедры. Особое внимание Ириней уделял развитию просвещения и воспитанию детей, роли самих воспитателей, ко-

торые должны были всеми силами стремиться к тому, чтобы развить в юношестве благородные порывы к добру, истине и красоте, для чего нужна не столько внешняя дисциплина, сколько дисциплина ума, сердца и воли. Но такая высокая цель воспитания, по его словам, «может быть достигнута воспитателем при одном необходимом условии с его стороны: он должен быть сам по возможности безукоризненный во всех отношениях и служить для всех живым наглядным примером для подражания. Только тогда вполне может он ручаться за успех своего дела и рассчитывать на добрые плоды своей высокой деятельности» [15, с. 847].

Владыка Ириней отличался совершенною нестяжательностью и очень скорбел о плохом материальном обеспечении духовенства Орловской епархии. Во время своих обзорных поездок всегда посещал дом священника и «обращал внимание на домашнюю обстановку и быт во всех подробностях, нередко заглядывая даже в кухню». При этом Владыка давал наставление о том, как и при самых скромных средствах возможно и должно достойно обустраивать жилище. У духовенства интересовался, что читают, у их жен — чему и как учат детей, очень важным считал обучение рукоделию. Во время посещения приходов Ириней в поучениях старался пробудить предприимчивость и изобретательность малоземельных и бедных крестьян в ведении сельского хозяйства, указывал на пример крестьян Западной Европы. Заботился об улучшении работы древлехранилища и пополнении его церковными древностями.

При своей крайне скромной жизни он делал много добра тайно. Ириней обладал большой прозорливостью. Еще в первые дни по прибытии в Орел, осматривая церкви архиерейского дома, и в том числе Успенскую — место погребения Орловских епископов, Владыка высказал, что «здесь и для него найдется место». Епископ Ириней умер от паралича сердца в Орле 10 апреля 1904 г. и был похоронен у южной стены в Успенском храме на Архиерейском подворье. В 20-е годы могилы архиереев были разграблены и осквернены,

кости разбросаны, а черепа похищены. Сохранилась лишь одна глава Преосвященного Иринея. Грабители унесли все, что смогли, включая даже митры, панагии и нательные кресты архипастырей. В 1980 году была снесена и сама Успенская церковь. В 1990 году в ходе строительных работ на территории кладбища были обнаружены архиерейские захоронения. Члены братства Успения Богородицы и местные археологи собрали останки епископов, поместили их в гробы и захоронили в пределах Успенского мужского монастыря. В совершении панихиды, отслуженной в Свято-Троицком храме монастыря, приняло участие духовенство города Орла во главе с епископом Орловским и Ливенским Паисием. Владыка Паисий сказал прочувственные слова и испросил у покойных предстоятелей от лица всего православного народа прощения за то поругание, которому подверглись священные останки в годы гонений на Русскую Православную Церковь.

ЕПИСКОП КИРИОН

После смерти Преосвященного Иринея на архиерейскую кафедру прибыл епископ Кирион (Георгий Иеронимович Садзагелов (Садзагелошвили). Родился он в 1853 г. в семье грузинского священника. Преосвященный Кирион окончил Киевскую духовную академию и был известен своими трудами по археологии и духовной литературе Грузии. Там, где приходилось ему служить, почти при каждом училище он открывал библиотеки и читальни, заботился об улучше-

Епископ Кирион (Садзагелов)

нии быта учителей. В Херсоне, где он был первым викарием Херсонской епархии в 1903—1904 гг., им был также организован церковно-археологический музей. За участие в деле сохранения древних памятников христианства на Кавказе и содействие науке своими церковно-археологическими трудами Владыка был избран членом-корреспондентом Императорского Московского археологического общества.

26 мая 1904 г. епископ Кирион прибыл в Орел для управления Орловской и Севской епархией, где он проявил себя как ученый-богослов и просветитель. В Орле 18 августа 1905 г. в покоях епископа состоялось заседание церковно-археологического комитета, на котором его избрали председателем, а уже 23 августа/5 сентября/Комитет был преобразован в церковное историко-археологического общество, в сентябре того же года обществу были отведены три комнаты для работы, размещения музея и библиотеки в старом архиерейском доме, рядом с консисторией. Епископ Кирион принимал личное участие в создании экспозиций музея. В декабре 1905 г. в музей были переданы ценности из семинарского древлехранилища, кроме того, он занимался писанием научных трудов. Важнейшими из них можно назвать такие как: «Святая равноапостольная Нина, Просветительница Грузии», «Перевод священно-богослужебных книг на грузинский язык и значение его для церкви Грузинской», «Двенадцативековая религиозная борьба православной Грузии с исламизмом», «Святой царь Мириан Хосроиан, первый христианский венценосец Грузии», «Описание Митехского Четвероевангелия», «50-летие основания викарийства в Херсоне» и т. д.

После февральских 1917 г. событий в Российской империи, вследствие усиления активности сепаратистов, резко обостряются межнациональные противоречия. Это повлекло за собой раскольнические действия и в церковных кругах. В Грузии усиливается стремление части духовенства и епископата к отделению от Российской Православной Церкви. В марте 1917 г. без согласия Кириархальной

Церкви, против воли экзарха Грузии архиепископа Платона группа епископов провозгласила автокефалию Грузинской церкви. Местоблюстителем Католикосом поставлен был Леонид (Окропиридзе), епископ Гурийско-Мингрельский. Не возражая в принципе против независимости Грузинской церкви, Святейший Патриарх Тихон выразил сожаление о неканоничности отделения, о непослушании грузинских архиереев Поместному собору и своему кириарху Владыке Платону, которого они самочинно объявили лишенным звания экзарха. Патриарх Тихон обратился к грузинским архипастырям Кириону, Леониду, Георгию и Пирру с предложением подчиниться требованию церковных правил и явиться на Всероссийский Собор. Но призыв Патриарха не был услышан, и отношения между Русской и Грузинской церквами оставались не улаженными до 1943 г. А тем временем в Грузинской церкви провели выборы, и 8 сентября 1917 года Католикосом-Патриархом автокефальной Грузинской церкви был избран епископ Кирион. В дальнейшем его судьба сложилась трагически. Вследствие внутренней борьбы в Грузии он был убит, о чем с прискорбием известили своих читателей «Орловские епархиальные ведомости» в сентябре 1918 г. [16, с. 489—490].

МИТРОПОЛИТ СЕРАФИМ

В феврале 1906 г. в г. Орел прибыл епископ Серафим (Чичагов Леонид Михайлович), потомок славного рода адмиралов Чичаговых [17, с. 169—170; с. 235—238], происходил из дворян Костромской губернии, родился 09.06.1856 г. в С.-Петербурге. Учился в 1-й Санкт-Петербургской классической гимназии, затем — в Пажеском корпусе. После его окончания в 1874 году был зачислен на службу в гвардейскую артиллерийскую бригаду Преображенского полка. За годы военной карьеры имел звания прапорщик (1874 г.), подпоручик (1876 г.), поручик (1878 г.), адъютант товарища Его Императорского Величества генерал-фельдцейхмейстера (1878 г.),

Митрополит Серафим (Чичагов)

штабс-капитан (1891 г.), полковник (1891 г.). В чине поручика участвовал в турецкой кампании 1877—1878 гг. и за отличия в войне был награжден орденами Святого Станислава Святой Анны 3-й степени, и святой Анны 4-й степени. За храбрость при осаде Плевны и взятии Телиша награжден генералом М. Д. Скобелевым личным оружием. Чичагов с детства отличался необыкновенной религиозностью. В 1878 г. Л. М. Чичагов познакомился с отцом Иоанном Кронштадтским и стал его духовным сыном. В 1891 году он оставил военную службу в чине полковника гвардии и переехал из Петербурга в Москву, где изучал богословские науки и готовился к посвящению на службу Святой Церкви. В феврале 1893 года был рукоположен в сан священника в Кремлевском Успенском кафедральном соборе и назначен в Московскую Синодальную церковь 12-ти апостолов, где принялся за возобновление этого храма на собственные средства. Будучи историографом царя, участвовал в торжественной закладке памятника императору Александру II в 1893 г. В Москве основал общество Белого Креста, которое оказывало помощь офицерским детям. Работая над летописью Серафимо-Дивеевского монастыря, он подготовил материал, на основании которого в 1903 г. Священный Синод вынес решение о канонизации старца Серафима Саровского. 28 апреля 1905 г. в Успенском соборе Московского Кремля Серафим Чичагов был рукоположен в епископы и занял Сухумскую кафедру на Кавказе, где он немедленно включился в борьбу против революционной смуты. Но прослужил он недолго

и уже 5 февраля 1906 г. прибыл в г. Орел, чтобы возглавить Орловскую кафедру. В письме, написанном в это время, епископ Серафим дает яркую характеристику проблем с которыми ему пришлось встретиться на новом месте своего служения: « Я нашел в Орле столько дел после бездействия преосвященного Кириона и его подозрительной тактики, что вот скоро два месяца, работая день и ночь, не могу сладить с путаными следствиями, бесчисленными ставленниками и проч. С бумагами не кончаю раньше 3—4 утра ежедневно. Служу 3—4 раза в неделю по будням. Чтобы только отпустить ставленников... Слышал я, что Орловская епархия одна из самых трудных и неустроенных, но не воображал, что центральная русская епархия может быть в таком запущении и неустройстве во всех отношениях... Но я хотел бы очень остаться здесь надолго и добиться переустройства епархии. Надо же русскую губернию привести в порядок. Больно видеть это... В первый раз я соприкасаюсь с семинарией... Никакого понятия не имеют о воспитании, педагогике и влиянии на юношество. Нет ни власти, ни прямоты, ни самостоятельности в начальстве. Юношество никогда не может уважать слабость, лицемерие, скрытность и бесхарактерность». Находясь в Орловской епархии, святитель Серафим деятельно проводил возрождение христианской жизни в народе. Для этой цели он распространял среди духовенства литературу, проводил частые собеседования и заботился о расширении благотворительности. Так, 30 апреля 1907 г. он дал указание о кружечном сборе в пользу слепых. В июне 1907 г. утвердил братство для помощи нуждающимся учащимся церковных школ Орловской губернии. Сам лично посещал экзамены в гимназии и школах. По его инициативе открываются новые читальни, 9 июля 1907 г. объявляется о созыве первого собрания Епархиального Учительского совета. 17 октября 1907 г. он дал указание заботиться о чистоте церквей, о создании при каждой церкви певческих хоров, о собеседовании в праздничные и воскресные дни после вечернего чтения, он разрешил накануне праздников читать краткие

жития святых на русском языке, ежемесячно собирать приходские собрания, а также окружные или благочинные собрания и заседания членов исполнительной комиссии, а в декабре 1907 г. предложил привлекать достойных учащихся к выборам в приходские советы.

Именно на Орловщине Владыка пришел к глубокому убеждению, ставшему определяющим в его деятельности, что настоящее развитие епархиальной жизни возможно только на основе полноправных приходских общин. Свое убеждение архипастырь аргументировал следующим образом: «Духовное возрождение России возможно только тем путем, каким совершалось ее духовное рождение. А именно: необходимо вернуться к церковно-общественной жизни древнерусского прихода, чтобы приходская община единодушно занималась не только просвещением, благотворительностью, миссионерством, но и нравственностью своих сочленов, восстановлением прав старших над младшими, родителей над детьми, воспитанием и руководством молодого поколения».

Исполняя свой замысел, уже 21 февраля 1906 г. Владыка Серафим созвал в Орле небывалый съезд духовенства, представителей администрации, земства, дворянства, купечества и учителей. На этом съезде все откровенно высказывались и выслушивали наставления архипастыря о возрождении приходской жизни в епархии. С первого марта 1906 г. Владыка начал объезжать уездные города, села и везде вел беседы, проводил собрания, на которые приглашались и местные жители. Всего за 1906 г. более чем в 700 приходах была начата работа советов, что составило две трети самостоятельных приходов. В обязанности советов наряду с обеспечением условий для нормального развития пастырско-литургической и административно-хозяйственной деятельности приходов должно было входить разрешение всей совокупности духовно-просветительских и социально-благотворительных задач, стоящих перед приходами: создание больниц, школ, библиотек и других образовательных учреждений. Ревностные труды Владыки Серафима в окормляемой им епархии не замедлили

принести добрые плоды. В одном из писем он с удовлетворением писал: « С *-го февраля, со дня моего приезда в Орел, я еще не спал ни одной ночи как следует. Бью набат, стремясь к скорейшему возрождению приходской жизни. Веду беседы с миром и клиром по городам и в залах Думы. Последствия прекрасные. Трудно поднимать духовенство, но мир поможет, если епископы будут жертвовать собой».

В своем сообщении в Петербург об оживлении приходской жизни в Орловской епархии Преосвященный Серафим в 1908 г. советовал Священному Синоду как можно скорее приступить во всех российских епархиях к возрождению приходской жизни. 20 сентября 1908 г. он отбыл из Орла в Кишинев к новому месту архиерейской службы, где находился в течение 7 лет и где состояние приходской жизни было еще более удручающим. По итогам его пребывания в Орле в 1914 г. им была издана книга «Орловская епархия в 1906—1908 гг. при Преосвященнейшем епископе Серафиме/Чичагове/».

16 мая 1912 г. он получил сан архиепископа и был назначен на архипастырское служение в Тверскую епархию, где отличался большой строгостью. Участник Собора 1917—1918 гг. в Москве, в 1918 г. Владыка Серафим был возведен в сан митрополита, а затем назначен на Варшавскую и Привисленскую кафедру, но власти не дали возможности выехать в Польшу, и он остался в Москве. До конца 1920 г. Владыка находился в Черниговском скиту Троице-Сергиевой лавры. 24 июня 1921 г. тройкой ВЧК был присужден к высылке в Архангельский концлагерь сроком на 2 года. В апреле 1924 г. его вновь арестовывают и бросают в Бутырскую тюрьму, в которой он находился 3 месяца. С февраля 1928 г. по 1933 г. Владыка управлял Ленинградской епархией. С сентября 1933 г. проживал на покое на подмосковной станции Удельная. 29 ноября 1937 года 82-летнего митрополита, прикованного водянкой и гипертонией к постели, арестовали якобы «за контрреволюционную монархическую агитацию», вынесли на носилках в карету «скорой помощи» и отвезли в тюрьму. Постановлением Особой тройки УНКВД по Московской области от 7 дека-

бря 1937 г. митрополит Серафим был приговорен к расстрелу, который привели в исполнение 11 декабря 1937 г. Захоронен в Бутово. Так завершился жизненный путь Серафима Чичагова — авторитетного церковного иерарха, мудрого богослова, страстного проповедника, глубокого философа, талантливого врачевателя, историка, литератора, художника, музыканта, неутомимого общественного деятеля, награжденного 13 орденами и медалями, в том числе орденом Почетного Легиона, личным оружием генерала М. Д. Скобелева «За Храбрость». 10 ноября 1988 г. митрополит Серафим Чичагов был реабилитирован. Деянием Освященного архиерейского Собора Русской Православной Церкви 23 февраля 1997 г. было определено о канонизации митрополита Серафима (Чичагова). Память священномученику митрополиту Серафиму определено праздновать в день его мученической кончины 11 декабря (28 ноября).

ЕПИСКОП МИТРОФАН

В период конца XIX — начала XX в. в духовной жизни нашего края глубокий след оставил святитель Митрофан. Епископ Митрофан (Митрофан Васильевич Афонский), жизнь и деятельность которого многие годы была связана с его родной Орловской землей, родился 13 октября 1861 г. в Орловской губернии [18, с. 342—346; с. 30—31]. Образование получил в первом Орловском духовном училище, затем в Орловской духовной семинарии и в Московской духовной академии, по окончании которой в 1886 г. состоял преподавателем частной женской гимназии. В 1888 г. назначен учителем русского языка во второе Орловское духовное училище, занимая одновременно должность учителя пения в первой Орловской мужской гимназии. 22 ноября 1892 г. рукоположен священником Скорбященской церкви при Богоугодном заведении с назначением законоучителем Александровского сиротского приюта, существовавшего при Богоугодном заведении, тогда же состоял некоторое время законоучителем

первого Орловского городского училища. В 1901 г. назначен законоучителем Александровского реального училища и вторым законоучителем Орловского Бахтина кадетского корпуса, а с 1905 г. — на должность штатного законоучителя кадетского корпуса. Будучи священником, последовательно исполнил ряд должностей: помощника благочинного городских церквей, наблюдателя за преподаванием Закона Божия в светских учебных заведениях, депутата от духовного ведомства в губернском Земском собрании, члена попечительства Орловского общества сестер милосердия Красного Креста, казначея Орловской епархиальной эмеритуры, члена правления духовной семинарии от духовенства, исполняя в то же время и различные поручения епархиальных Преосвященных и епархиальных съездов. С 31 декабря 1896 г. указом Священного Синода назначен штатным членом духовной консистории, где и служил до 25 августа 1906 г. В 1897 г. назначен членом Епархиального попечительства о бедных духовного звания, в 1899 г. — членом комитета для обсуждения мер к оживлению проповедничества, в 1903 г. — членом-казначеем правления лазарета больных и раненых воинов духовенства Орловской епархии. Кроме того, он являлся вначале членом, а затем председателем ревизионного комитета свечного завода и за неутомимый энергичный труд по ревизии завода и епархиальных свечных лавок епископом Никанором был отмечен особой благодарностью со внесением его в формуляр. 9 сентября 1906 г. он принял монашество,

Епископ Митрофан (Афонский)

а 17 сентября хиротонисован в Московском Успенском соборе в епископы и получил назначение Елецким викарием Орловской епархии. С 14 февраля 1907 г. епископ Митрофан назначается председателем епархиального училищного Совета, одновременно являясь председателем Серафимовского братства при училищном Совете для помощи нуждающимся ученикам церковных школ Орловской епархии. Он также проявляет большую активность на должности товарища председателя епархиального миссионерского Комитета. В 1909 г. назначается председателем Православного Петропавловского братства. 2 апреля 1910 г. назначается епископом Екатеринбургским и Ирбитским, а со 2 марта 1914 г. был переведен в Каменец-Подольск на кафедру епископа Подольского и Брацлавского, где летом 1918 г. от болезни сердца в возрасте 58 лет скончался. Епископ Митрофан плодотворно работал и на литературном поприще. В октябре 1897 г. он был редактором официального отдела журнала «Орловские епархиальные ведомости», а в 1908 г. стал редактировать и неофициальный отдел местного епархиального органа. Преосвященный Митрофан был прекрасный проповедник. В 1909 г. он собрал и отпечатал свои проповеди. Много времени отдавал исследованию истории и археологии Орловского края. В 1900 г. был избран председателем только что открывшегося в Орле Церковно-Археологического Комитета, преобразованного в 1905 г. в Церковное Историко-Археологическое общество. Был большой знаток и любитель церковного пения. Во время учебы в академии управлял правым хором в академической церкви. По его инициативе в г. Ельце был создан детский хор. Понимал и высоко ценил живописное искусство. По его распоряжению Петропавловское братство выделило средства на содержание класса живописи при Орловской духовной семинарии. При его содействии было организовано в г. Ельце Общество хоругвеносцев. Епископ Митрофан любил свою паству, был гуманный и доступный для всех, многим нуждающимся он оказывал посильную помощь или давал совет.

ЕПИСКОП АЛЕКСАНДР

Епископ Александр (Головин)

После отъезда епископа Серафима (Чичагова) в Кишинев Орловскую кафедру занял прибывший епископ Александр (Головин), выпускник С.-Петербургской духовной академии, который был начальником Иерусалимской духовной миссии [19, с. 1089—1091], родился 25.08.1844 г. в дер. Мясоедово Крапивенского уезда Тульской губернии в семье священника. В Орловской епархии он прослужил два с половиной года и оставил о себе добрые воспоминания. Духовное пастырское воздействие, нравственное влияние на окружающих его людей всегда были главнейшим предметом архипастырских попечений. Особенностями его характера были беззлобность и безгневность.

Он много ездил по епархии, посещал отдаленные приходы, где не бывал еще ни один архиерей. Ему хотелось всё осмотреть, всё узнать, всё понять, на всё дать своё слово и наставление, оставить по себе благодатную память. Простая, чисто отеческая речь Владыки, чуждая внешних ораторских приёмов, но проникнутая сердечным воодушевлением и теплотою, совершенно доступная каждому, производила глубокое впечатление на слушателей. Личный пример ласки и истинного пастырского отношения Владыки к мирянам оставил неизгладимый след в сердцах тех сельчан, которые имели возможность слышать простые, задушевные речи Владыки, советы взаимной братской любви между мирянами и просьбу к пастырям не чуждаться прихожан, а быть

как можно ближе к своим пасомым, не оставлять их своими наставлениями и добрыми пастырскими советами. Архипастырские распоряжения Владыки Александра больше всего направлялись к созиданию взаимного мира между пастырями и пасомыми, с одной стороны, и между самими пастырями — с другой.

В пастырях он старался пробудить дух ревности, зажечь пламень чистой веры в своё призвание и в своё дело. Он высоко ставил положение священника и везде, где это было нужно, защищал духовенство со всею силою убеждения и своего святительского авторитета. Сам происходя из духовной среды, пройдя долгую подготовительную школу русского приходского пастырства, он любил духовный быт и сословие. С духовенством стремился войти в возможно близкое общение; неутомимо посещал различные пастырские собрания, запросто бывал в домах священников и любил вступать с членами семьи в дружескую непринуждённую беседу, не чурался разделить трапезу в доме церковного старосты. В то же время Владыка всегда тяготился праздничными трапезами и по возможности просил не устраивать их. В судьбе осиротелых духовных семей он принимал самое тёплое участие.

При посещении г. Севска летом 1910 года Преосвященнейший Александр счёл благопотребным обратиться с отдельным наставлением по поводу появления холеры, убеждая всех, насколько возможно по условиям жизни, принимать меры предосторожности в отношении чистоты и особенно принятия пищи и питья, внушал относиться с полным доверием к указаниям и требованиям врачебно-санитарного персонала, как направленным к их благу [20, с. 1280].

Владыка часто бывал на заседаниях научных обществ, Епархиального миссионерского совета, посещал религиозно-нравственные чтения и чтения Союза Русского народа, проходившие в здании городской Думы, заботился о развитии краеведения, оказывал поддержку преподаванию в семинарии благородных искусств — музыки и живописи, тогда как в духовной среде в то время к этому относились отрицательно.

По его предложению 29 декабря 1908 года председателем Церковного Историко-Археологического общества прот. И. В. Ливанским на очередном заседании было принято постановление образовать во всех уездных городах отделения Общества с поручением им описания и разработки архивов бывших духовных правлений. Большой интерес на этом заседании вызвала коллекция церковных древностей, собранная Л. И. Пущиным и состоящая из древних крестов, образов, панагий и прочих реликвий. На заседании Общества 6 февраля 1909 года Преосвященный Александр высказал предложение, чтобы воспитанники духовной семинарии на летних каникулах, где это возможно, собирали от старожилов различные биографические сведения о знаменитых уроженцах Орловского края и вообще собирали материалы по Орловской старине [21, с. 46—47; с. 184].

В отношении к вверенным ему духовно-учебным заведениям был истинным Архипастырем и Отцом. Он не подавлял своим архиерейским авторитетом и властью. Он верил в людей. Учащуюся молодёжь любил глубокою отеческою любовью и постоянно заботился о ее материальном положении. Его приезд в семинарию совсем не был похож на приезд начальствующего лица, не было ни смятения, ни страха, ни лихорадочной суеты. Преосвященного принимали как любимого и уважаемого отца. Владыка лично оказывал материальную помощь нуждающимся. Повсюду за ним шла добрая молва. Он был подвижником, сделать добро было целью жизни святителя.

12 января 1911 года Орловское Епархиальное женское училище прощалось с Преосвященным Александром, который в этот день в последний раз обошел все классы, благословил каждую воспитанницу и сказал везде несколько прощальных слов. 16 января воспитанницы старших классов и вся училищная корпорация присутствовала при последнем прощальном служении Его Преосвященства в кафедральном соборе, где во время прощания, после литургии, инспектор классов протоиерей В. Вавилов прочитал от училища

благодарственный адрес Его Преосвященству за отечески заботливое отношение к училищу [22, с. 45]. После прощания с боголюбивой паствой г. Орла епископ Александр отбыл на Калужскую кафедру [23, с. 65—71; с. 122—123], где 25 июня 1912 г. по состоянию здоровья был уволен на покой с оставлением в должности настоятеля Новоиерусалимского мужского монастыря. В 1916 г. епископ Александр скончался от тяжелой формы артеросклероза и был погребен в летнем храме монастыря, в приделе св. Марии Магдалины [24, с. 493].

ЕПИСКОП ГРИГОРИЙ

Епископ Григорий (Вахнин)

5 февраля 1911 г. в Орел прибыл епископ Григорий (Вахнин Георгий Петрович), который родился 23.04.1865 г. в селе Бабки (Б. Бабка) Волчанского уезда Харьковской губернии в семье священника. С отличием окончил Московскую духовную академию. Служил до января 1917 г. и ушел на покой по болезни [25, с. 569]. В первый день своего приезда 45-летний Преосвященный Григорий принял наряду с другими корпорацию Епархиального женского училища, которое он впоследствии неоднократно посещал, присутствовал на уроках и экзаменах Закона Божия, истории и литературы. 9 февраля он уже выехал в г. Елец на освящение храма во имя св. князя Михаила Тверского, построенного Обществом Хоругвеносцев в память посещения города Его Императорским Высочеством Великим князем Михаилом Александровичем. Там же

13 февраля совершил торжество освящения народного дома в память 50-летия со дня освобождения крестьян от крепостной зависимости Императором Александром II. 16 февраля Преосвященнейший Владыка Григорий посетил храм и второклассную школу в с. Воскресенском Орловского уезда, где был организован в школе литературно-вокально-музыкальный вечер [26, с. 85; с. 256, 260]. Не оставлял своим вниманием и другие учебные заведения [27, с. 113; с. 580—581]. 8 марта 1912 г. присутствовал в зале Дворянского собрания на лекции члена Государственной думы графа Бобринского и на концерте галицко-русской певческой дружины [28, с. 371]. С первых дней своего пребывания епископ Орловский и Севский установил напряженный график своей работы. Посетителей он принимал ежедневно, за исключением субботних, воскресных и праздничных дней: должностных лиц — от 9 до 11 часов утра, посетителей — от 11 до 2 часов дня. По делам особо важным, не терпящим отлогательства, приём производился во всякое время [29, с. 119].

Владыка Григорий часто бывал в отдаленных приходах епархии. В июне—августе 1911 г. он посетил приходы, находящиеся на границе четырёх губерний: Тульской, Черниговской, Курской и Воронежской, обозрев 9 уездных городов с 80 церквами, 12 монастырей и 83 сельских прихода и провел 29 богослужений; а с 6 по 35 октября осмотрел 15 монастырей, 193 приходские церкви, совершил 36 богослужений [30, с. 1097—1098; с. 1518]. 25 апреля 1912 г. епископ Григорий совершил богослужение на закладке Дома Призрения в память 300-летия царствования Дома Романовых, сооружаемого Елецким Обществом Хоругвеносцев [31, с. 516]. Преосвященный Григорий не останавливался даже перед болезнью и добирался до таких «медвежьих углов» епархии, где десятки лет не видели Архиерея. Главными достоинствами Владыки были великолепное знание своей епархии со всеми её нуждами и тщательно соблюдаемая им справедливость во всех распоряжениях и делах по епархии. Он заботился о семьях духовенства, потерявших кормильца,

материально помогал вдовам и сиротам священнослужителей, особо следил за устройством сирот-невест. В годы первой мировой войны занимался сбором пожертвований, устройством лазаретов, размещением беженцев, дом архиерея стал для них приютом.

Отличаясь твёрдостью и строгостью, Преосвященный Григорий умело распоряжался своей властью. Все подведомственные ему учреждения пользовались значительной долей свободы и самостоятельности, но постольку, поскольку их деятельность соответствовала насущным нуждам его паствы. Однако годы напряженной работы подорвали силы Владыки. 28 января 1917 г. он был уволен по болезни на покой в Успенскую Святогорскую пустынь Харьковской губернии, где он в своё время был пострижен в монашество.

Во время гражданской войны пустынь неоднократно подвергалась разграблениям, происходили избиения и убийства братии. Точных сведений о времени и обстоятельствах смерти Преосвященного Григория не сохранилось. Предположительно он умер после 1919 года.

ЕПИСКОП МАКАРИЙ

28 января 1917 г. на Орловскую епархию назначается Макарий (Гневушев Михаил Васильевич), родился в 1858 г. в селе Репьёвка Ардатовского уезда Симбирской губернии, выпускник Киевской духовной академии, кандидат богословия, крупный церковный деятель, философ, один из основателей Союза Русского народа. После окончания в 1882 году Киевской духовной академии он поступил преподавателем в Киевско-Подольское духовное училище, затем преподавателем Острожской учительской семинарии с 1883 г., Киевского женского епархиального училища с 1885 г. и Киевской духовной семинарии с 1890 г. К тому времени он стал известным миссионером и прекрасным проповедником, был активным членом Киевского Комитета по защите евреев от погромов. По вопросу об участии духовенства в полити-

ческой жизни и в государственном строительстве Преосвященный говорил, что «духовенство... не должно уклоняться от участия в политической жизни страны, памятуя заветы великих святителей русских — Св. Св. Петра, Алексия, Ионы, Филиппа, Гермогена, преп. Сергия, патриархов Филарета, Никона и других, принимавших самое близкое участие в жизни государства, болевших его болезнями, смертью запечатлевших свою любовь к Родине» [32, с. 109]. Он призывал духовенство, говоря: «Современные пастыри в дни, когда народная душа мятется в вихре политических страстей, ищет руководства, куда, к какому берегу, к какой партии пристать, — не могут отстраняться от авторитетного руководства и отталкивать от себя вопрошающих, но смело, твердо звать свою паству сплотиться под знаменем, на котором написано — Православие, самодержавие и русская народность» [32, с. 110]. В статье «Государство и Церковь» Владыка отмечает особые отношения Церкви и христианского государства, которое, по его мнению, «не может издавать таких законов, которые противны духу христианской любви, которые создают почву благоприятную для распространения нечестия и безбожия. Уклонение государства от следования христианским идеалам не может вызывать со стороны Церкви ничего, кроме советов и убеждений» [33, с. 313].

Епископ Макарий (Гневушев)

Преосвященный Макарий на основе личного опыта огромное значение придавал педагогической деятельности. «Все, имевшие в жизни свой жребий — учить и воспитывать

других, — говорил Преосвященный, — хорошо знают, сколько радостей, тех именно чистых и высоких радостей, которые создают действительное счастье на Земле, доставляет воспитание и обучение души человеческой... Как ни труден путь учительский, он всегда являлся в моём сознании чуть ли не единственно высоким, не единственно увлекательным и дающим наиболее ценные плоды для общественной и личной духовной жизни» [32, с. 110].

Будучи ещё в Нижегородской епархии, епископ Макарий, как председатель Епархиального училищного совета, проявлял большую заботу о развитии просвещения. Он лично посетил множество школ, церковных и светских, находившихся не только в городе, но и в отдалённых уездах. Он ревностно стоял на страже православия против раскольников и сектантов; постоянно интересовался организацией и деятельностью миссионерских курсов и собеседований с заблуждающимися, а при обозрении приходов и сам нёс миссионерский труд.

В годы первой мировой войны в своём викариатстве — Нижегородской епархии он был во главе местного отдела о беженцах. Для них епископ Макарий изыскивал материальные средства, открыл трудовую помощь, основал общежития и школы, организовал бесплатную медицинскую и юридическую помощь. В дни великих христианских праздников устраивал для неимущих праздничный стол, разговенье, а для детей — рождественскую ёлку с подарками. Владыка не забыл и наших братьев по вере и союзников по оружию — сербов и черногорцев, для которых по его призыву были собраны и переданы им тысячи рублей [34, с. 164—165]. Личность и многогранная деятельность епископа Макария были хорошо известны российскому обществу и вызывали глубокое уважение. Во Всероссийском Церковно-Общественном Вестнике о нем говорилось: «Преосвященный Макарий пользуется широкою и заслуженною известностью, как духовный писатель и твердый защитник тех устоев, на которых зиждется мощь нашей родины и процветание православной Церкви» [35, с. 111].

В г. Орёл он прибыл 25 февраля 1917 года и вскоре выступил с Архипастырским посланием к возлюбленным пастырям и православным чадам Церкви и земли Орловской, в котором он призвал пастырей «действовать в согласии с устанавливающимся строем жизни государственной и общественной, — а также наставляйте, вразумляйте, с вдохновенной ревностью останавливайте, где нужно, свою паству, дабы мирное течение жизни не нарушалось, дабы ложно, часто нарочито ложно понимаемая свобода не приводила младенствующую часто паству к нарушению существующих и ещё никем не отмененных законов о жизни, чести и имуществе всех граждан Русской земли». Однако, несмотря на подобные заявления, по наветам местных революционеров из Комитета общественной безопасности епископ Макарий был вызван в Петроград и отбыл из Орла 14 апреля 1917 г. к обер-прокурору Синода для доклада о положении дел в епархии, где и был поставлен вопрос о его увольнении. В защиту Владыки выступил епископ Елецкий Павел, который 28 апреля 1917 года в адрес Синода направил телеграмму/Обер-прокурору и копию — архиеп. Сергию Финляндскому/: « Считаю возможным оставаться на службе лишь в том случае, если не будет уволен Преосвященный Макарий, безупречный, идеальный пастырь-проповедник, несправедливо оскорбляемый подозрениями со стороны людей политического азарта или недомыслия, которым некому сказать трезвое слово: освобождение России совершилось, какие вам снятся страхи в вашем углу? Подробности почтой» [36, с. 96]. Но, перепуганный революцией, под давлением новой власти, ссылаясь на неоднократные требования Орловского епархиального съезда духовенства и мирян, Синод 26 мая 1917 г. отстранил Преосвященного Макария от управления епархией и отправил его на покой. Объяснялось его удаление не тем, «что он плохой архиерей (наоборот — достоинства его несомненны и хорошо известны), а его черносотенной, агитационной прямо работой». Уволен он был по собственному прошению и назначен на-

стоятелем Вязьменского Предтеченского монастыря [37, с. 79, 80]. 8 июня 1917 г. утром еп. Макарий выбыл из Орла в южном направлении. По некоторым данным, вначале проживал он в Спасо-Авраамиевом монастыре, а с января 1918 г. находился на покое в Спасо-Преображенском (по другим данным, Свято-Предтеченском или Свято-Духовском) монастыре города Вязьмы Смоленской губернии. Однако в начале августа Владыку арестовывают: поводом послужил отказ признать законными закрытие монастыря и изъятие церковного имущества по постановлению местных Советов. На призыв епископа Макария защитить православные святыни поднялись жители Вязьмы. В защиту епископа поступали в органы местной власти прошения с многочисленными подписями граждан, а 22 августа 1918 г. зазвучал набат монастырской церкви. Вяземская Чрезвычайная следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией расценила все это как заговор против Советской власти, но затем, не придя к единому мнению, направила материалы в Чрезвычайную комиссию Западной области, которая без какой-либо дополнительной проверки 4 сентября 1918 г. вынесла постановление о расстреле Владыки. В числе 14 мучеников он был убит в пустынном месте. По словам свидетелей, епископ Макарий, находясь в конце шеренги с чётками, горячо молился за каждого из казнимых, и если замечал упадок духа, то, никем не останавливаемый, выходил из линии и благословлял несчастного. Смерть он принял мужественно. Обращаясь к одному из солдат, сказал: «Не бойся, выполняй волю пославших тебя!» Подойдя к указанному месту казни, добавил, обращаясь к небу: «Отец мой! Прости им, не ведают бо, что творят! Приими дух мой с миром!» Прокуратурой Смоленской области еп. Макарий реабилитирован 14 апреля 1993 г. и канонизирован как священномученик в 2000 г. [38, с. 152—153].

АРХИЕПИСКОП СЕРАФИМ

Епископ Серафим (Остроумов)

3 июня 1917 г. в Орёл прибыл управлять епархией епископ Серафим (Остроумов Михаил Митрофанович), родился 6. XI. 1880 г. в г. Москве, в семье псаломщика, выпускник Московской духовной академии. В тот же день после богослужения в кафедральном Петропавловском соборе Преосвященный Серафим обратился к народу со словом, в котором призвал всех трудиться в единении для блага Церкви, переживающей трудное время. Обращаясь к духовенству, прозорливо сказал: « В наши дни пастыри должны не только проповедовать Христа, но и исповедовать Его, т.е. быть готовыми к подвигу». Вначале он был временно управляющим Орловской епархией, а спустя два месяца, в августе, по Указу от 24 июня за № 6735 было дано благословение Святейшего Синода Орловскому епархиальному съезду духовенства и мирян произвести выборы кандидата для замещения Орловской кафедры. 12 (25) августа выборы состоялись, и 22 августа (4 сентября) Указом Св. Синода епископ Бельский Преосвященный Серафим был назначен правящим епископом Орловским и Севским [39, с. 227—228]. С 1917 по 1918 г. он член Собора Российской Православной Церкви. До большевистского переворота Владыка много заботился о развитии просвещения во вверенной ему епархии, по его инициативе в Орле создали детский кружок, чтобы «отвлечь детей от праздного шатания по улицам и дать по-

лезное им занятие» [40, с. 94]. Будучи учёным-богословом Владыка с большим вниманием относился к деятельности Орловского Церковного Историко-Археологического общества, был его попечителем и проводил собрания Общества в Архиерейском доме [40, с. 154]. Владыка Серафим был добрым и благопопечительным отцом, мягким и ласковым, отзывчивым на нужды учащихся и сработников. В 1917 году он выделял личные деньги на содержание госпиталя имени Орловской епархии. На Орловской кафедре епископ Серафим находился с перерывами до 1 ноября 1927 года и показал себя как мужественный и твердый в вере православный архипастырь.

После Октябрьского переворота 1917 г. Владыка Серафим осудил большевистский Декрет «О свободе совести», как «явное беззаконие», и 28 января 1918 г. на воскресной литургии призвал в день празднования Сретения по примеру Петрограда и Москвы устроить торжественный крестный ход против антихристианской политики большевистского правительства. Крестный ход был грандиозным: в нем участвовало до двадцати тысяч человек. По свидетельству очевидцев, участники крестного хода были исполнены религиозного воодушевления и энтузиазма. На площади перед Петропавловским собором во время речей епископа Серафима и иеромонаха Даниила у многих на глазах показались слезы. В годы гражданской войны, 13 октября 1919 г., Орёл был занят войсками Деникина, и белые предложили епископу Серафиму отслужить публичный благодарственный молебен. Он отказался. К чести белых нужно сказать, что они были недовольны таким поведением архиерея, но репрессивных мер к нему применять не стали [41, с. 289]. В 1922 году его арестовали по обвинению в контрреволюционной деятельности и саботаже в период изъятия церковных ценностей. На суде епископ Серафим, как и другие обвиняемые, виновным себя не признал. Однако 20 июня 1922 года губернский революционный трибунал приговорил его на 7 лет заключения в тюрьму со строгой изоляцией. Впоследствии срок

заключения сократили до полутора лет. В 1924 году Владыку освобождают по амнистии, и он возвращается в Орел. Получив запрет от властей на служение, он продолжает исполнять свой пастырский долг, давая отеческие советы обращающимся к нему священнослужителям. Бывая в Москве, Владыка обсуждал положение Русской Православной Церкви, встречаясь в Даниловом монастыре с его настоятелем епископом Волоколамским Феодором (Позднеевским), митрополитом Серафимом (Чичаговым), другими влиятельными архиереями. «А, это в конспиративном Синоде!..» — шутил о них Патриарх Тихон. Об авторитете Владыки говорит и тот факт, что в мае 1924 года постановлением Святейшего Патриарха Тихона епископ Серафим был введен в состав Священного Синода (в связи с отказом властей в регистрации в июле работа Синода была прекращена). 29 мая 1924 года епископ Серафим был возведен в сан архиепископа, а с 1 ноября 1927 года назначается архиепископом Смоленским и Дорогобужским. В 1937 году он вновь арестовывается, и постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 27.03.37 г. епископ Серафим за участие в контрреволюционной группе приговаривается к пяти годам лагерей. Но кому-то из чекистов этого показалось мало, и решением «тройки» УНКВД Смоленской области от 28.11.37 г. — в нарушение закона, без отмены ранее вынесенного приговора — Владыка Серафим был приговорен за ту же вину к расстрелу и спустя десять дней убит [42, с. 891—892; с. 50—53]. 21 ноября 1958 года решением президиума Смоленского областного суда он был реабилитирован, а 21 июля 1989 года Прокуратурой Смоленского округа был реабилитирован во второй раз. 17 июля 2001 года Священный Синод принял решение о его канонизации как священномученика и включение в Собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания.

ЦЕРКОВЬ В НАШИ ДНИ

Прошли десятилетия, и вновь возрождается Православная Церковь. В память пострадавших в годы религиозно-классовых гонений, как сообщили российские средства информации 24 ноября 2014 г., Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин поручил поставить в Москве памятник жертвам политических репрессий. Однако сегодня Запад, и прежде всего США, несмотря на демократические преобразования в нашей стране, вновь организовывают «крестовый поход», по словам их идеологов, против распространения «византийских ценностей», носителями которых являются Россия и страны православной культуры. Идёт необъявленная война протестантско-католического Запада и навязывание духовно-нравственных, культурных ценностей странам восточной цивилизации, основанной на греческой, византийской православной культуре, которую они рассматривают как враждебную и противостоящую геополитическим интересам западного мира с его новой мультикультурой и деградирующими нравственными ценностями. В речи, которую впервые произнес Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в Госдуме, дана исчерпывающая оценка духовно-нравственного разрушения, происшедшего в образе жизни западного общества. По его словам: «Мир, в котором мы с вами живем, нередко именуется постхристианским, а иногда пострелигиозным. За этим термином кроется страшный диагноз духовно-нравственного состояния, в котором оказались общества многих стран. Происходящее там связано с попыткой подвергнуть пересмотру фундаментальные, непреложные, Богом заложенные в человеческую природу, а потому абсолютные и универсальные нормы морали. Это грозит огромными опасностями для человеческого общества. Потому что в результате границы между добром и злом размываются, а понятие справедливости, по укорененной в нравственной природе человека являющееся универсальным, интерпретируется в соответствии

с господствующими философскими и даже политическими установками. ...Идея абсолютного ценностного приоритета свободы выбора и отказ от приоритета нравственной нормы стал для Западной цивилизации своего рода бомбой замедленного действия, поражающий эффект которой становится в полной мере очевидным лишь нам, людям XXI века. Потому что наши предшественники, находясь под обаянием темы свободы, с легкостью поддерживали различного рода новеллы, в том числе и законодательные, не задумываясь о том, что абсолютизация свободы выбора в отрыве от нравственных установок является смертельно опасной для человека и общества. Потому что ведь выбрать-то можно и зло» [43, с. 17].

Митрополит Антоний

В России Православная Церковь в настоящее время консолидирует общество вокруг системы традиционных ценностей. Однако доля активных православных составляет порядка 10—12% населения. Влияние таких факторов, как смена поколений в России, демографический и мировоззренческий кризис, иммиграция в нашу страну, приводит к тому, что становится все меньше людей, принимающих ценности Православного мировоззрения и сочувствующих Православной Церкви (таких граждан в России, по разным данным, до 80%). В случае сохранения данных тенденций положение РПЦ в перспективе ближайших 15—20 лет станет сходным с современным положением обычного российского религиозного объединения.

В нелегкие дни нашего времени, чтобы не допустить ослабления роли и влияния Православной Церкви на позитивные процессы в развитии нашего общества, необходимо изучать и активно внедрять в повседневную жизнь людей духовный опыт и труды православных святителей, в том числе и орловских, которые являются образцом для подражания новым поколениям священнослужителей и духовно-нравственным примером для христиан православных приходов. Память о них будет основой преемственности церковных традиций, духовного обновления современного Российского общества. Отрадно то, что и сегодня через многие десятилетия Господь не оставляет наш многострадальный Орловский край без своих святителей. В годы гонений и репрессий орловские Архипастыри мужественно и достойно отстаивали православную веру, заботились о своей пастве и укрепляли ее духовно.

В тяжелые годы войны орловское духовенство вместе со всем православным священством по призыву митрополита Сергия выступило в защиту своей Родины и организовало сбор пожертвований в Фонд Красной Армии и в помощь детям-сиротам, чьи родители погибли на фронте. Ныне под руководством всеми уважаемого православными христианами Преосвященнейшего митрополита Орловского и Болховского Антония (Черемисов Иван Иванович) идет восстановление и строительство храмов, возрождается духовная жизнь православных приходов. Свой огромный опыт по церковному служению и учебе в Швейцарии и Японии, управлению Виленской и Литовской, а затем Красноярской епархиями, он щедро распространяет по Орловской митрополии. Твердость в трудах и вере, мудрость и доброта Архипастыря приносят свои добрые плоды и надежды. По предложению тогда ещё архиепископа Орловского и Ливенского Антония образовать в Орловской области новую епархию Священный Синод Русской Православной Церкви 25 июля 2014 г. постановил Ливенскую епархию выделить из состава Орловской. Она образована в административных границах

Верховского, Глазуновского, Должанского, Залегощенского, Колпнянского, Корсаковского, Краснозоренского, Ливенского, Малоархангельского, Новодеревеньковского, Новосильского, Покровского и Свердловского районов. Правящим архиереем Ливенской епархии был избран архимандрит Нектарий (в миру Николай Васильевич Селезнев, род. 7 мая 1974 г., п. Чульман, Якутская АССР), 9 сентября 2014 г. хиротонисан во епископа Ливенского и Малоархангельского. Этим же решением Синода в пределах Орловской области была образована Орловская митрополия, включающая в себя Орловскую и Ливенскую епархии. Главой митрополии был назначен архиепископ (ныне митрополит) Орловский и Болховский Антоний. Епископ Нектарий совместно с Высокопреосвященнейшим Владыкой Антонием многие годы служил Русской Православной Церкви в Красноярской епархии, а сегодня и в Орловской митрополии. Будучи настоятелем Успенского мужского монастыря г. Орла и секретарем Епархиального управления, он проявлял силу воли, принимал глубокие и грамотные решения, сочетая в себе высокую культуру и образованность. Все православные люди Орловского края с надеждой смотрят на наших святителей, как искренних и добрых пастырей, под руководством которых будет продолжено возрождение Русской Православной Церкви и высокой христианской культуры, нравственности и духовности.

Епископ Ливенский и Малоархангельский Нектарий (Селезнёв)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Протоиерей Владимир Воробьев. Пастырское служение в Русской Православной Церкви XX в.//Русская Православная Церковь. Православная энциклопедия. Церковно-научный Центр «Православная энциклопедия». — М., 2000.
2. Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М., 1951. — С. 34, 37—38.
3. Шмелев Г. М. Русская православная церковь, ее деятельность и экономика до и после 1917 года//Вопросы истории. — 2003. — № 11.
4. Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700—1917. Кн. 8. Ч. 1. Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. — М., 1996.
5. Священник Иоанн Флеров. О православных церковных братствах. Санкт-Петербург, 1857.— Репринтное издание. — Минск, 1996. — С. 2.
6. Смолич И. К. Указ. соч. Ч. 2.
7. Орловские епархиальные ведомости. 1887. № 4. С. 210; № 9. С. 574, 578; 1890. № 3. С. 172.
8. Протоиерей Владислав Цыпин. В благодатной атмосфере//«Покров». — 2014. — № 9 (525).
9. Свящ. Максим Козлов. Духовное образование в России XVII — XX вв.//Русская Православная Церковь. Православная энциклопедия. — М., 2000.
10. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 606 (Канцелярия епископа Орловского и Севского). Оп. 1. Д. 3.
11. Матвеева Е. С. Эволюция церковно-судебной системы Орловской епархии во второй половине XIX — начале XX в. Дис. канд. ист. наук. — Брянск, 2014.
12. Орловские епархиальные ведомости. 1899. № 8.
13. Полный Православный Богословский энциклопедический словарь. Т. 11. — М., 1992.
14. О. Е.В. 1904. № 16; Свящ. Александр Берташ, А. И. Перелыгин. Ириней (Орда Харисим Михайлович)//Православная энциклопедия. Т. XXVI. — М., 2011.
15. О. Е.В. 1902. №№ 20—21.
16. О. Е.В. 1918. № 19.
17. О. Е.В. 1906. № 6; № 8.
18. О. Е.В. 1918. №№ 13—14; Еремин В. География орловских музеев//Краеведческие записки: сборник. 2 выпуск. — Орел: «Вешние воды», 1998.
19. О. Е.В. 1908. № 45.
20. О. Е.В. 1910. № 46.
21. О. Е.В. 1909. № 2; № 8.
22. О. Е.В. 1912. № 3.

23. О.Е.В. 1911. № 3; № 4.
24. Буевский А.С. Александр (Головин Александр)//Православная энциклопедия. Т. 1. — М., 2000.
25. Перелыгин А.И. Григорий (Вахнин Георгий Петрович)//Православная энциклопедия. Т. 12. — М., 2006.
26. О.Е.В. 1911. № 7; № 9.
27. О.Е.В. 1912. № 4.
28. О.Е.В. 1912. № 12.
29. О.Е.В. 1911. № 10.
30. О.Е.В. 1911. № 40; № 52.
31. О.Е.В. 1912. № 18.
32. О.Е.В. 1917. № 7—8.
33. О.Е.В. 1917. № 20—21.
34. О.Е.В. 1917. № 9—10.
35. Всероссийский Церковно-общественный Вестник. 1917. № 25.
36. О.Е.В. 1917. № 17—18.
37. Российская Церковь в годы революции. (1917—1918)//Сборник. Подг. текста и публикация М.И. Одинцова. — М., 1995.
38. Сборник Орловского церковного историко-археологического общества. Выпуск 1 (4). — Орел. 1999.
39. О.Е.В. 1917. №№ 34—35.
40. О.Е.В. 1918. №№ 3—4.
41. Митрополит Вениамин (Федченков)//На рубеже двух эпох. — М.,1994.
42. Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917—1943 гг. /Сост. М.Е. Губонин. — М., изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского Института. 1994; Реквием. Книга памяти жертв политических репрессий. Т. 5. — Орел, 2001.
43. Российская газета//Дума Патриарха. 2015. 23 января.

Истории русской провинции № 77
Историко-просветительский журнал
г. Орел, ул. 2-я Курская, 25. Тел./факс (4862) 55-11-71
Журнал зарегистрирован Комитетом РФ по печати.
Свидетельство о регистрации № 013819 от 21 июня 1995 г.

А.И. Перелыгин

ОРЛОВСКИЕ СВЯТИТЕЛИ
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Редактор: Константин Грамматчиков
Верстка: Владислав Максимов
Корректор: Ася Гудкова

На передней обложке:
Орловский кафедральный собор первоверховных апостолов Петра и Павла начала XX века. Из собрания В.Г. Сидорова

На задней обложке:
Кресты на куполах возрожденной Успенской церкви Свято-успенского мужского монастыря г. Орла.
Фото И.И. Гаврилова

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ЗАО «ИНВЕСТПРОМ» в лице руководителя С. И. Бутова

Материалы журнала «Истории русской провинции»
можно прочитать на сайте «Орел по-русски»